

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.
1917—1920.

ПЕТЕРБУРГЪ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1921

Къ вопросу о погребальныхъ обрядахъ турковъ и МОНГОЛОВЪ.

Памятники прошлого, оставленные кочевыми пародами въ средне-азиатскихъ и черноморскихъ степяхъ, особенно курганы и такъ пазываемыя «каменные бабы», долгое время были загадкой для ученыхъ. Объясненіе этихъ памятниковъ было связано съ тѣми же трудностями, какъ вообще рѣшеніе археологическихъ вопросовъ, когда изслѣдователь не имѣетъ возможности дополнять археологическій матеріалъ извѣстіями письменныхъ источниковъ. Не было никакихъ точныхъ данныхъ для установленія абсолютной и относительной хронологіи, для приуроченія тѣхъ или другихъ памятниковъ къ опредѣленнымъ народамъ, извѣстнымъ изъ исторіи; столь же мало могло привести къ точнымъ выводамъ изученіе быта современныхъ кочевниковъ и сохранившихся въ степи преданій о старинѣ.

Благодаря открытію, въ 1889 г., орхонскихъ памятниковъ и дешифровкѣ, въ 1893 г., орхонскихъ надписей изслѣдователи средне-азиатской археологіи впервые получили въ свое распоряженіе точно датированный матеріалъ, приуроченіе котораго къ опредѣленному историческому народу не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Этимъ открытіемъ, между прочимъ, какъ указано въ напечатанной въ 1915 г. статьѣ Н. И. Веселовскаго «Современное состояніе вопроса о каменныхъ бабахъ»¹, былъ окончательно разрѣшенъ вопросъ объ извѣстныхъ подъ этимъ именемъ каменныхъ статуяхъ опредѣленнаго типа, встрѣчающихся на пространствѣ отъ Монголіи до черноморскихъ степей, именно мужскихъ и женскихъ фигурахъ, держащихъ въ рукахъ передъ пупкомъ чашу. Послѣ открытія орхонскихъ памятниковъ мы знаемъ, что эти статуи, въ надписяхъ названныя «балбалами», ставились турками въ память умершаго, первоначально для изобра-

¹ Оттискъ изъ XXXII тома «Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей».

женія убитыхъ имъ враговъ, въслѣдствіи, вѣроятно, съ иною цѣлью, такъ какъ рядомъ съ мужскими статуями встрѣчаются и женскія; возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ изображали самого покойника. Народъ, которому принадлежатъ орхонскіе памятники, впервые выступить въ исторіи въ VI в. по Р. Хр., который и является *terminus post quem* для статуй этого типа; изъ разсказа Рубрука мы знаемъ, что еще въ его время, въ половинѣ XIII в., такія статуи ставились тогдашними кочевыми обитателями южно-русскихъ степей, кипчаками, извѣстными у русскихъ подъ именемъ половцевъ, у западныхъ европейцевъ подъ именемъ комановъ. Послѣ XIII в. такіе истуканы, насколько извѣстно, больше не ставились.

Изъ точно датированныхъ орхонскихъ памятниковъ и изъ «классическаго», по справедливому замѣчанію Н. И. Веселовскаго¹, описанія половецкаго погребенія у Рубрука, вѣроятно, придется исходить всѣмъ будущимъ изслѣдователямъ турецкихъ погребальныхъ обрядовъ. Въ настоящее время наукой, какъ видно, между прочимъ, и изъ статьи Н. И. Веселовскаго, для разрѣшенія этого вопроса сдѣлано еще очень мало. Установлено, что «каменные бабы» ставились турками и изображали убитыхъ покойникомъ враговъ; но попрежнему остается невыясненнымъ происхождение этого обычая, установленіе такого типа статуй, хронологическая послѣдовательность встрѣчающихся разновидностей этого типа, отношеніе статуй типа «каменныхъ бабъ» къ другимъ человѣческимъ изображеніямъ, встрѣчающимся въ тѣхъ же степяхъ. Не произведена даже предварительная работа, выполненіе которой было бы въ настоящее время вполне возможно; мы не имѣемъ сравнительнаго описанія орхонскихъ памятниковъ, сооруженныхъ при участіи китайскихъ мастеровъ, и другихъ мѣстъ погребенія, гдѣ встрѣчаются каменные бабы. Такое изслѣдованіе, вѣроятно, выяснило бы, какія подробности въ этихъ сооруженіяхъ объясняются только участіемъ китайскихъ мастеровъ и какія связаны со степными обычаями. Извѣстно, что самое слово «балбалъ», хотя оно встрѣчается, повидимому, не только въ орхонскихъ, но и въ енисейскихъ надписяхъ², считается не-турецкимъ и что его пытаются объяснить изъ китайскаго языка. Нѣтъ также археологическихъ изслѣдованій, которыя бы выяснили связь каменныхъ бабъ съ опредѣленнымъ типомъ погребенія. Въ Европейской Россіи, по замѣчанію Н. И. Веселовскаго³, всѣ каменные бабы уже увезены съ

¹ Каменные бабы, стр. 17 сл.

² Надпись Tsch M. a (6,4), ср. W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, S. 339 f. Ср. Атласъ древностей Монголіи, табл. XCIII, гдѣ, однако, можно разобрать соответствующія слова только на ретушированномъ эстампѣ.

³ Каменные бабы, стр. 27.

кургановъ; въ Средней Азіи, вѣроятно, еще достаточно каменныхъ бабъ, оставшихся *in situ*, но онѣ, по замѣчанію А. В. Адрианова, стоятъ одиноко, отдѣльно отъ могилъ; только въ предѣлахъ Монголіи А. В. Адриановъ видѣлъ такія изваянія передъ могильными насыпями¹. По замѣчанію Г. Н. Потанина² такіе случаи и въ Монголіи рѣдки. Накопецъ, извѣстія, преимущественно китайскія, о погребальныхъ обрядахъ того народа, которому принадлежатъ орхонскія надписи, еще не сопоставлены съ извѣстіями о погребальныхъ обрядахъ кочевниковъ болѣе раннихъ и болѣе позднихъ эпохъ. Въ наукѣ по этому вопросу были высказаны только отдѣльныя замѣчанія, безъ попытки привлечь къ изслѣдованію весь относящійся къ нему матеріалъ.

При такихъ условіяхъ было бы, конечно, преждевременно ставить вопросъ о погребальныхъ обрядахъ средне-азиатскихъ кочевниковъ во всемъ его объемѣ. Цель настоящей статьи—только дополнить статью Н. И. Веселовскаго нѣкоторыми данными, во-первыхъ, о послѣднемъ по времени кочевомъ народѣ, ставившемъ каменные бабы, т. е. о половцахъ, во-вторыхъ, о народѣ, который изъ всѣхъ кочевниковъ достигъ наибольшаго политическаго могущества и о которомъ мы, поэтому, имѣемъ больше всего извѣстій, т. е. о монголахъ.

Принадлежностью обыкновеннаго половецкаго погребенія Рубрукъ считаетъ, во-первыхъ, холмъ, насыпанный надъ покойникомъ, во-вторыхъ, воздвигнутую въ честь его статую, обращенную лицомъ къ востоку. Богатые хоронились иначе; для нихъ строились мавзолеи въ видѣ остроконечныхъ домиковъ или кирпичныхъ башенъ, иногда въ видѣ каменныхъ домовъ. Вокругъ могилы одного половеца, умершаго незадолго передъ тѣмъ, были поставлены жерди по четыремъ странамъ свѣта и были развѣшаны 16 лошадиныхъ шкуръ, по четыре съ каждой стороны; передъ могилой были поставлены мясо и кумысъ, хотя покойникъ считался христіаниномъ³. Описывая половецкое погребеніе, Рубрукъ не приводитъ мѣстныхъ терминовъ; этотъ пробѣлъ, что до сихъ поръ, кажется, не было замѣчено писавшими о каменныхъ бабахъ, отчасти восполняется словаремъ половецкаго

¹ Статья «Путешествіе на Алтай и за Саяны, совершенное въ 1881 г.», въ Зап. Р. Геогр. Общ. по общей геогр., т. XI, стр. 415. У С. Р. Минцлова (ЗВО. XXIII, 300) нѣбная ссылка на т. II. Въ послѣднемъ трудѣ А. В. Адрианова (Къ археологій Западнаго Алтая = Изв. Имп. Арх. Комм., вып. 62, 1916, стр. 45 и 49) говорится о двухъ каменныхъ бабахъ, стоявшихъ передъ курганами (въ мѣстности близъ Чернаго Иртыша); одинъ изъ этихъ кургановъ былъ раскопанъ изслѣдователемъ, но раскопки не дали никакихъ результатовъ.

² Очерки сѣв.-зап. Монг., II, 65.

³ В. де Рубрукъ, Путешествіе въ восточныя страны, перев. А. И. Маленна, СПб. 1911, стр. 80.

языка, сохранившимся в известной венецианской рукописи начала XIV в. В словаре термины, относящиеся к погребению, объяснены по-тѣмцки¹ и принадлежат к материалу, собранному, по словам В. В. Радлова², тѣмцкими или венгерскими миссионерами. Прежде всего приводится слово «курганъ» в значеніи en gihoft gar, т. е. насыпной могильный холмъ. Слово «курганъ» в живыхъ и литературныхъ турецкихъ нарѣчіяхъ, начиная съ языка орхонскихъ надписей, встрѣчается в значеніи «крѣпость, укрѣпленіе»; только это значеніе приводится в словаряхъ, в томъ числѣ и въ «Опытѣ словаря тюркскихъ нарѣчій» В. В. Радлова³, хотя В. В. Радловъ в своемъ изслѣдованіи о Codex Comanicus, вышедшемъ въ свѣтъ до начала печатанія словаря, приводитъ значеніе «Grabhügel», могильный холмъ⁴. Въ русскій языкъ оно перешло въ этомъ значеніи, очевидно, изъ половецкаго; въ Средней Азіи могильный холмъ называется иначе, обыкновенно «тепе» или «тюбе».

Послѣ слова «курганъ» приводится слово «iv» «des toden hws», т. е. домъ мертваго. Очевидно, имѣется въ виду обще-турецкое слово, въ орхонскихъ надписяхъ *ib*, въ словарь В. В. Радлова⁵ *bi*, *oi* и *yi* (съ диалектическими формами *ib*, *ip*, *aw*, *av*, *eb*, *y*, *yġ*, *yġr*), значущее вообще «домъ». У половцевъ такъ, вѣроятно, назывались упомянутые Рубрукомъ каменные дома-мавзолеи.

Рядомъ съ *iv* стоитъ *kesenā* въ значеніи «der toden huw». Точное значеніе средне-германскаго слова «huw» мнѣ неизвѣстно, и получить объясненіе отъ специалистовъ мнѣ не удалось; издатель словаря графъ Кунъ переводилъ его словомъ «fossa», ровъ⁶, причѣмъ ссылаясь на *altaicum ekāzinti*, по въ примѣчаніяхъ⁷ предлагалъ переводить выраженіе «des toden huw» (sic) словомъ «tumulus», повидимому, сближая его съ *Haufen*. В. В. Радловъ⁸ читалъ *kāzānā* и переводилъ «Grabhügel». У киргизовъ слово *kāsānā* до сихъ поръ значитъ «мавзолей»; извѣстно, между прочимъ, зданіе Кокъ-Кесене въ Перовскомъ уѣздѣ Сыръ-Дарьинской области, въ 4 или 5 верстахъ

¹ Codex Comanicus, ed. Comes Géza Kun, Budapestini 1880, p. 222.

² Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus, St.-P. 1887 (Mém. de l'Acad., t. XXXV, № 6), S. 1.

³ Опытъ словаря, II, 570 и 940.

⁴ Das türk. Sprachm., S. 29. Покойный П. М. Меліоранскій (Замѣтнов. вост. слова въ русской письменности до-монг. періода, стр. 14) считалъ «пріемлемымъ» мнѣніе, что старое турецкое слово получило новое значеніе подъ влияніемъ перс. *کورخانه*.

⁵ Опытъ словаря, I, 1171, 1335 и 1799.

⁶ Cod. Com., p. 222, 262.

⁷ Ibid., p. 365.

⁸ Das türk. Sprachm., S. 31; Опытъ словаря, II, 1174.

отъ желѣзнодорожной станціи Тюмень-арыкт¹. Возможно, что мы имѣемъ здѣсь, какъ полагалъ одинъ изъ мѣстныхъ киргизовъ², передѣлку персидскаго كاشانه, которое могло перейти къ половцамъ. Вѣроятно, такъ называлась упоминаемые Рубрукомъ кирпичные мавзолеи.

Всего интереснѣе послѣдній терминъ *sin «des toden bilde»*, т. е. изображеніе умершаго; очевидно, это слово относится къ каменнымъ бабамъ. По замѣчанію Г. Н. Потанина, слово «сынъ» значить по-чувашски и по-татарски «образъ, лицо, изображеніе» (при этомъ дѣлается ссылка на «Чувашскій словарь» Золотницкаго), по-алтайски и по-сойотски — «олень-самецъ»³. Одинъ изъ ученыхъ путешественниковъ XVIII в., Фалькъ, при описаніи енисейскихъ писаницъ приводитъ терминъ «синташъ» въ значеніи «олений камень» (*Hirschfelsen*), т. е. «камень съ изображеніемъ оленя», какъ «ат-ташъ» — «камень съ изображеніемъ коня»⁴. Несомнѣнно, однако, что киргизское слово «сынъ-ташь», приведенное Г. Н. Потанинымъ⁵, какъ синонимъ монгольскаго «кишачило» (*хѣшѣ-чулу*), образовано изъ словъ «сынъ» въ значеніи «изображеніе, фигура»⁶ и «ташь» (ташъ) камень. Искаженіе того же слова «сынъ» мы, по всей вѣроятности, имѣемъ въ словѣ Симъ-тубе, какъ, по словамъ В. А. Каллаура, называется курганъ съ каменной бабой близъ Мерке, и въ словѣ «симъ-ташъ», какъ, по словамъ того же изслѣдователя, называются эти статуи въ Аулиеатинскомъ уѣздѣ (авторъ приводитъ также терминъ *сюретъ-ташъ*); названіе «симъ-ташъ» носить также урочище въ низовьяхъ рѣки Таласа, «получившее это названіе отъ стоящаго въ долинѣ этого урочища камня высотой около 2 аршинъ»⁷. Изъ всего этого можно заключить, что послѣдній народъ, ставившій каменные бабы, употреблялъ для обозначенія ихъ терминъ, сохранившійся въ степи до сихъ поръ. Трудно сказать, почему это слово, встрѣчающееся во многихъ нарѣчійхъ и, повидимому, чисто-турецкое, замѣнено въ древнѣйшемъ турецкомъ письменномъ памятникѣ словомъ, которому приписываютъ китайское происхожденіе и которое, повидимому, нѣкогда тоже было широко распространено въ степи. Въ живыхъ нарѣчійхъ оно въ первоначальномъ значеніи нигдѣ не сохранилось; по словамъ В. А.

¹ Протоколы Турк. Кружка Люб. Арх., VI, 98 и слѣд.; XIII, 26.

² *Ibid.*, XIII, 12.

³ Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, прим. 4 къ гл. II (стр. 20).

⁴ *Falk. Beiträge zur topogr. Kenntniss des Russ. Reiches*, I, 349. Ср. А. С. Уваровъ въ *Трудахъ I Археол. Съѣзда*, стр. 503; Н. И. Веселовскій, *Кам. бабы*, стр. 4, прим. 1.

⁵ Очерки, II, 64.

⁶ В. Радловъ, *Опытъ словаря*, IV, 628.

⁷ Протоколы Турк. Кружка Люб. Арх., III, 9 сл.

Каллаура, въ Ауліатинскомъ уѣздѣ «балбалами» теперь называютъ небольшіе участки съ валиками внутри городища¹; возможно, что эти участки получили такое названіе по сходству съ могильниками, при которыхъ находились каменные бабы. Употреблялось ли слово «балбал» когда либо кочевниками черноморскихъ степей, пока не выяснено; положительное или отрицательное рѣшеніе этого вопроса могло бы подтвердить или опровергнуть мнѣніе В. В. Радлова² и покойнаго П. М. Меліоранскаго³ о происхожденіи русскаго «болванъ», въ значеніи «идолъ» встрѣчающагося уже въ «Словѣ о Полку Игоревѣ», отъ турецкаго «балбалъ». Половецкій словарь приводит къ выводу, что во время его составленія слова «балбал» у половцевъ не было, изъ чего, конечно, не слѣдуетъ, что его не было и въ эпоху «Слова о Полку Игоревѣ».

Рубрукъ ничего не говоритъ о почитаніи каменныхъ бабъ; вообще мы не находимъ у него никакихъ данныхъ для подтвержденія интереснаго разсказа Низами, приведеннаго мною въ отчетѣ о моей первой поѣздкѣ въ Среднюю Азію, гдѣ, между прочимъ, описывается, какъ всадникъ, проѣзжавшій мимо истукана, клялъ стрѣлу изъ своего колчана въ его колчанъ⁴. Послѣдняя подробность имѣетъ для насъ большой интересъ; мы увидимъ, что колчаны со стрѣлами были, по всей вѣроятности, также на истуканахъ, ставившихся впослѣдствіи монголами.

Въ литературѣ о каменныхъ бабахъ уже было обращено вниманіе на фактъ, что Рубрукъ ничего не говоритъ о каменныхъ бабахъ внѣ Европейской Россіи⁵. Къ востоку отъ страны половцевъ имъ упоминаются только могильники въ видѣ большихъ площадей, вымощенныхъ камнями, причемъ нѣкоторыя площади были круглыми, другія четырехугольными; съ каждой изъ четырехъ сторонъ свѣта стояло по «длинному камню». Очевидно, имѣются въ виду «кэрэкурсы»⁶ разныхъ типовъ, подробно описанныхъ въ «Очеркахъ сѣверо-западной Монголіи» Г. Н. Потанина; насколько мнѣ извѣстно, только разсказомъ Рубрука для этихъ могильниковъ устанавливается *terminus ante quem*. Близъ нѣкоторыхъ кэрэкурсовъ стоятъ

¹ Протоколъ засѣд. Турк. Кр. Л. А. 29 авг. 1897 г., прилож., стр. 3. Ср. П. М. Меліоранскій въ ЗВО., XII, 4.

² Die altt. Inschr. der Mongolei, S. 235.

³ Турецкіе элементы въ языкѣ «Слова о Полку Игоревѣ» (1902), стр. 8 сл. Вторая статья о турецкихъ элементахъ и т. д. (1905), стр. 13 сл.

⁴ В. Бартольдъ, Отчетъ о поѣздкѣ въ Ср. Азію, стр. 20, прим. 4.

⁵ В. А. Мустафинъ въ Прог. Турк. Кружка, III, 19.

⁶ Монголы приписываютъ могильнымъ насыпямъ киргизамъ; отсюда, повидимому, и названіе (у Рамстедта, Zwei uigurische Runenschriften, S. 40 *χirgis-ür*).

каменные бабы, но это, по словамъ Г. Н. Потанина, рѣдкое явленіе¹. Рубрукъ такихъ кэрэксуровъ, очевидно, не встрѣчалъ.

Рубрукомъ, несмотря на его рѣдкую наблюдательность, не могъ, конечно, быть поставленъ вопросъ о чертахъ сходства и различія въ погребальныхъ обрядахъ различныхъ народовъ и о зависимости такихъ чертъ отъ причинъ этнографическаго и культурно-историческаго характера. Относящіяся къ этимъ вопросамъ факты только теперь начинаютъ выясняться. Любопытно, между прочимъ, отсутствіе каменныхъ бабъ около харабалгасунскаго памятника², поставленнаго въ началѣ IX в. въ честь уйгурскаго кагана. Едва ли можно объяснить этотъ фактъ тѣмъ вліяніемъ манихейства, о которомъ свидѣлствуютъ харабалгасунскія надписи; манихейство было принято уйгурами недавно и едва ли успѣло измѣнить погребальные обычаи, которые у кочевниковъ, вообще, медленно вытѣснялись новой религіей, какъ показываетъ и рассказъ Рубрука о половецкомъ погребеніи. Если бы у уйгуровъ до принятія манихейства были каменные бабы, то этотъ обычай, вѣроятно, сохранялся бы у нихъ и черезъ полвѣка послѣ перемѣны вѣры. Къ тому же каменныхъ бабъ нѣтъ и у открытой Рамстедтомъ могилы болѣе ранняго уйгурскаго кагана, умершаго въ 759 г., до принятія уйгурами манихейства³. Мы пока не знаемъ ни одного не-турецкаго народа, который бы воздвигалъ статуи этого типа, но не имѣемъ также доказательствъ, чтобы сооруженіе каменныхъ бабъ когда либо было обще-турецкимъ обычаемъ.

Монголы, выступающіе только въ XIII в., находились подъ вліяніемъ своихъ турецкихъ предшественниковъ, особенно уйгуровъ; кромѣ того мы въ ту же эпоху замѣчаемъ сильное вліяніе китайской государственности; кераятскій ханъ, бывшій до возвышенія Чингизъ-хана самымъ могущественнымъ лицомъ въ восточной Монголіи, и его сынъ носили китайскіе титулы, совершенно вытѣснившіе ихъ личныя имена. Тѣ же монголы, однако, находились подъ вліяніемъ первобытнаго шаманизма, сохранявшагося въ лѣсахъ Забайкалья, и потому, несмотря на вліяніе уйгурской и китайской культуры, при погребеніи потомковъ Чингизъ-хана совершались обряды, которые, вѣроятно, всѣмъ турецкимъ кочевникамъ показались бы пержиткомъ отдаленной эпохи.

¹ Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, 65. Ср. также слова С. Р. Минцлова въ ЗВО., т. XXIII о многочисленныхъ курганахъ (стр. 295) и крайне рѣдкихъ каменныхъ бабахъ (стр. 300) въ Урляхаѣ.

² Ср. описаніе его въ Сборн. трудовъ Орх. эксп., I, 4 сл.; W. Radloff, Die alt. Inschriften, S. 283; также въ «Атласѣ древностей Монголіи» таблицы XXVIII и XXX.

³ О датѣ памятника G. J. Ramstedt, Zwei uigur. Runenschriften, S. 45. О времени принятія уйгурами манихейства E. Chavannes и P. Pelliot въ JA, 11, I (1913), 199.

Представить полную картину монгольского погребения или хотя бы погребения монгольских ханов невозможно, пока мы не имѣем критическаго изслѣдованія всѣхъ извѣстій первоисточниковъ. Выполненіе такого изслѣдованія облегчается сравнительнымъ обиліемъ источниковъ, но затрудняется разбросанностью и разнообразіемъ матеріала. Такъ, напримѣръ, въ разсказахъ о погребеніи хановъ въ Персіи есть такія подробности, которыхъ нѣтъ въ разсказахъ о погребеніи хановъ въ Монголіи, и наоборотъ; не всегда ясно, имѣемъ ли мы право соединять всѣ эти разказы въ одно цѣлое, предполагая, что обряды ханскаго погребенія были безусловно одни и тѣ же на всемъ пространствѣ монгольской имперіи и что передъ нами только фактъ случайнаго умолчанія отдѣльныхъ источниковъ о тѣхъ или другихъ частяхъ одного и того же церемоніала.

Всѣ источники согласны между собою въ томъ, что члены монгольскаго ханскаго рода на всемъ пространствѣ имперіи хоронились въ трудно доступныхъ мѣстахъ, преимущественно на высокыхъ горахъ; ханскія кладбища были запретнымъ мѣстомъ, охранявшимся военными отрядами; даже людямъ изъ этой стражи было неизвѣстно точное мѣстоположеніе ханской могилы, не обозначавшееся никакими внѣшними знаками. Ханское кладбище, въ качествѣ запретнаго мѣста, вездѣ обозначается однимъ и тѣмъ же терминомъ — турецкимъ словомъ *курукъ*, причѣмъ пишется также *курукз* и *курук*¹. Въ до-монгольскую эпоху мнѣ удалось найти только одинъ примѣръ употребленія слова «курукъ», именно въ разсказѣ Нершахи о ханѣ Шемс-ал-мулкѣ Насрѣ, правившемъ въ Самаркандѣ и Бухарѣ съ 1068 по 1080 гг. Шемс-ал-мулкъ скупилъ земли къ югу отъ Бухары, гдѣ теперь находится памазгахъ, устроилъ здѣсь ханское имѣніе и назвалъ его «курукомъ». Имѣніе было окружено высокой стѣной и занимало пространство около мили, т. е. отъ двухъ до трехъ верстъ въ окружности; внутри стѣнъ находилось пастбище для царскихъ коней, дворецъ, голубятня и паркъ для дикихъ звѣрей². Какъ показываетъ турецкій терминъ, понятіе о «курукѣ» не было заимствовано Караханидами у населенія покоренныхъ ими бывшихъ областей халифата, но принесено изъ восточной части Средней Азіи, паравнѣ съ уйгурскимъ алфавитомъ и рядомъ культурныхъ словъ³, встречающихся въ поэмѣ Кудатку (или Кутадгу)-Биликъ и впоследствии у

¹ Напр. قوروقъ у Рашид-ад-дина въ изд. Березина, Труды Вост. Отд. VII, 59; غروقъ тамъ же, стр. 191; въ изд. Катрмера, стр. 416; въ изд. Blochet, стр. 592 и слѣд.

² Nerchakhy, ed. Schefer, p. 27 sq. (غوروقъ) Ср. В. Бартольдъ, Туркестанъ, II, 112 сл.

³ Любопытно, между прочимъ, что слово «карши» (дворецъ), которое впоследствии было извѣстно мусульманскимъ авторамъ только какъ монгольское, встрѣчается уже въ Кудатку-Биликѣ. Ср. примѣры въ словарѣ В. В. Радлова, II, 207 сл.

монголовъ, заимствовавшихъ эти термины у того же культурнаго восточно-турецкаго народа, уйгуровъ.

Въ монгольской эпоху словомъ «курукъ» обозначалось въ мусульманской Средней Азии все заповѣдное и запрещенное¹, куда былъ закрытъ доступъ постороннимъ: участки земли, составлявшіе частную собственность или, чаще, собственность государя; дворецъ государя и въ особенности его гаремъ. «Курукчи́ями», наравнѣ со стражей ханскихъ кладбищъ, назывались также часовые, стоявшіе у входа въ ханскій гаремъ. Въ Монголіи кладбище съ могилами Чингизъ-хана и нѣкоторыхъ изъ его потомковъ называлось «великимъ курукомъ»², по-монгольски ихэ (јехе)-курукъ; употребленіе монгольскаго прилагательнаго показываетъ, что слово «курукъ» въ значеніи «ханское кладбище» вошло въ языкъ монгольскаго народа, хотя въ этомъ значеніи въ немъ не удержалось. Теперь, какъ мнѣ сообщилъ Б. Я. Владиміръцовъ, слово «курукъ», въ народномъ произношеніи «хуригъ», значить по-монгольски только «запретное», особенно жилище правителя. Уйгурское слово, проникшее въ Туркестанъ и въ Монголію, первоначально, по всей вѣроятности, служило для обозначенія понятія, возникшаго подъ вліяніемъ китайской государственности, хотя впоследствии турки ознакомились съ арабскимъ словомъ, выражавшимъ то же понятіе, возникшее въ данномъ случаѣ подъ вліяніемъ традицій передне-азиатскаго деспотизма. Слово «харимъ», какъ назывался, между прочимъ аббасидскій дворецъ въ Багдадѣ³, впоследствии вытѣснило въ Туркестанѣ слово «курукъ», какъ правовой терминъ⁴.

Изъ разсказовъ Рашид-ад-дина можно заключить, что «куруки» были въ Монголіи еще до Чингизъ-хана; такъ говорится о разграбленіи врагами «части курука» Ванъ-хава кераятскаго⁵. Изъ текста не видно, идетъ ли рѣчь о ханскомъ пастбищѣ съ его стадами или о «запретныхъ рощахъ», какъ полагалъ русскій переводчикъ Рашид-ад-дина, проф. Березинъ⁶, или, наконецъ, о ханскихъ кладбищахъ съ ихъ обстановкой. Запретнымъ становилось не только мѣсто погребенія умершаго хаана, но и его имя, причемъ и въ этомъ случаѣ употребляется терминъ «курукъ»; такъ говорится, что послѣ смерти Джагатая его имя стало «курукомъ» и другое лицо,

¹ Ср. примѣры въ словарѣ Будагова, II, 52 сл. Текстъ Бабура о самаркандскомъ курукѣ въ изданіи Ильминскаго, стр. 60; въ изданіи Beveridge, стр. 48, текстъ съ пропусками.

² *یکه قوروق* у Рашид-ад-дина, изд. Blochet, 336 сл.

³ Якутъ, II, 255,з. Kremen, Culturgeschichte, II, 57.

⁴ В. Бартольдъ, Къ исторіи орошенія Туркестана, стр. 31.

⁵ Труды Вост. Отд., VII, 126.

⁶ Труды Вост. Отд. V, 99.

носившее то же самое имя, должно было называться иначе¹. Пятый сынъ Угэдэя Каши получилъ свое имя потому, что родился въ годъ завоеванія Чингизъ-ханомъ Тангута, носившаго также названіе Каши (по-китайски Хэ-си, т. е. «страна къ западу отъ большой рѣки»); послѣ ранней смерти царевича «его имя сдѣлали курукомъ», и область стали называть только «Тангутъ»². Къ этому обычаю, вѣроятно, относятся слова Платона Карпини³, что «никго вплоть до третьяго поколѣнія не дерзаетъ называть умершаго его собственнымъ именемъ». У турецкихъ кочевниковъ мы, насколько извѣстно, примѣровъ такого запрещенія произносить имя умершаго не встрѣчаемъ.

Вообще у монголовъ культъ мертвыхъ и связанные съ нимъ шаманскіе обряды носили болѣе примитивный и потому болѣе варварскій характеръ, чѣмъ у извѣстныхъ намъ турецкихъ народностей. Какъ убѣдительно доказываетъ Н. И. Веселовскій⁴, въ основѣ турецкихъ и монгольскихъ погребальныхъ обычаевъ лежитъ одна и та же шаманская идея, что убитые ханомъ или ради него люди должны служить ему на томъ свѣтѣ. У орхонскихъ турковъ отголоскомъ этой идеи былъ обычай воздвигать въ память умершаго статуи убитыхъ имъ враговъ; у монголовъ та же идея выражалась въ обычаѣ убивать всѣхъ встрѣчныхъ по пути похоронной процессіи отъ мѣста смерти хана до мѣста погребенія, причемъ имъ, по словамъ Марко Поло⁵, говорили: «Иди на тотъ свѣтъ служить нашему государю!» Марко Поло увѣряетъ, что послѣ смерти Мункэ-хана такимъ образомъ погибло болѣе 20000 человекъ. Едва ли это соответствуетъ дѣйствительности; монгольскій обычай въ то время былъ всѣмъ извѣстенъ; къ тому же сами монголы тотчасъ послѣ смерти хана издавали приказъ о закрытіи путей, и каждый долженъ былъ оставаться тамъ, гдѣ его застигали приказъ, въ населенномъ мѣстѣ или въ пустынѣ⁶. Едва ли, поэтому, процессія встрѣчала на своемъ пути много народа.

Монгольскимъ обычаемъ вполне объясняется, почему мы не находимъ въ мусульманскихъ источникахъ никакихъ свѣдѣній о составѣ и вѣдшемъ видѣ процессіи; говорится только, что тѣло клали въ ящикъ (сандыкъ) и

¹ Ibid., V, 47; VII, 59.

² Рашид-ад-динъ въ изд. Blochet, стр. 7. О названіи страны еще ibid. стр. 597, гдѣ транскрипція خوشی и невѣрный перевод روكخانه بزرگ مغرب. Ср. мою статью въ Изв. Геогр. Общ. XXXV, 703.

³ Перев. Малевича, стр. 11.

⁴ Каменные бабы, стр. 25 сл.

⁵ Перев. Милеева, стр. 87. Д'Оссонъ (I, 381) ошибочно объясняетъ тотъ же обычай желаніемъ скрыть смерть государя.

⁶ Ср. разсказы о смерти Гююка у Рашид-ад-дина въ изданіи Blochet, стр. 250 сл.

потомъ отвозили. О. Палладій¹ по пѣсколькимъ китайскимъ источникамъ приводитъ довольно подробныя свѣдѣнія, но нѣкоторыя подробности его разсказа вызываютъ сомнѣніе. Ящикъ дѣлалъ изъ душистаго дерева; покойника одѣвали и клали съ нимъ въ ящикъ золотыя сосуды и другіе предметы, въ томъ числѣ чайникъ, котораго у монголовъ въ эту эпоху навѣрное не было. Въ мусульманской литературѣ мы имѣемъ только одинъ разсказъ о погребеніи съ монгольскимъ ханомъ драгоцѣнностей, именно разсказъ Вассафа о погребеніи Хулагу въ 1265 г.; съ нимъ будто бы положили въ могилу много золота и драгоцѣнныхъ камней². Вопросъ былъ неясенъ и для современниковъ монгольскихъ хановъ; Плато Карпини говоритъ, что съ покойникомъ, особенно съ ханомъ, зарываютъ много золота и серебра³; Рубрукъ замѣчаетъ по этому поводу, вѣроятно, имѣя въ виду слова Плато Карпини: «Я не знаю того, чтобы они скрывали съ мертвыми сокровища»⁴.

По даннымъ, собраннымъ у о. Палладія, гробъ сколачивался четырьмя золотыми обручами и ставился на катафалкъ изъ бѣлаго войлока и ковровъ. Процессія трогалась на третій день послѣ смерти хана; впереди ѣхала шаманка и вела на поводу лошадь съ богато убраннымъ сѣдломъ; на пути каждый день приносили въ жертву барана. Дальше прямо говорится о прибытіи къ мѣсту погребенія и о зарываніи тѣла; ничего не сказано объ обрядахъ оплакиванія въ ханскихъ ордахъ, о чемъ довольно подробно говорятъ Рашид-ад-динъ. У Чингизъ-хана, какъ у другихъ хановъ, были четыре главныхъ орды, по числу главныхъ женъ; для совершенія обряда оплакиванія гробъ съ тѣломъ каждый день переносили изъ одной орды въ другую; весь обрядъ продолжался три мѣсяца⁵. О томъ же самомъ говорится при описаніи погребенія Мункэ-хана, причемъ еще прибавляется подробность, что гробъ въ ордѣ ставился на тронъ⁶.

О. Палладій приводитъ «монгольское преданіе», по которому могилы хановъ находились около горы Тась, къ сѣверу отъ Долоннора, на пути къ Кэрюлюну. Рашид-ад-динъ указываетъ совершенно другое мѣсто — гору Бурханъ-халдунъ, называвшуюся также Будда-ундуръ⁷; изъ монгольскаго зпическаго сказанія видно, что эта гора находилась на пути отъ Толы къ

¹ Труды Пек. миссіи, IV, 251 сл.

² Вассафъ, автогр. изд., стр. 52. Ср. d'Ohsson, Hist. des Mongols, III, 407.

³ Перев. Маленна, стр. 11 сл.

⁴ Ibid., стр. 80.

⁵ Труды Вост. Отд. Арх. Общ. XV, 144 сл.; текстъ, стр. 191 сл.

⁶ Изд. Blochet, стр. 336.

⁷ Ср. неудачный переводъ Blochet (ibid.) «le grand Bouddha»; это толкованіе совершенно исключается порядкомъ словъ; нѣтъ также, насколько извѣстно, примѣровъ употребленія монголами слова «Будда» въ этой формѣ. Ср. толкованіе слова «ундуръ», какъ существительнаго, у Рашид-ад-дина, Труды Вост. Отд. V, 97; VII, 124.

Онону¹. Комментарь Юань-чао-ми-ши, Суй-сунь, отождествляетъ гору Бурханъ съ горою Тэлэрги (пишется также Тэрэльджи и Тэлэрци) въ Гэнтэѣ, гдѣ беретъ начало Ононъ². Въ русской литературѣ, насколько мнѣ извѣстно, упоминается только одна поѣздка вверхъ по Онону до его истоковъ и оттуда черезъ хребетъ Гэнтэй къ истокамъ Кэрулюпа, именно поѣздка Доржитарова. Подробнаго описанія этой поѣздки мы не имѣемъ; издана только съемка пути, причемъ у верховьевъ рѣки упоминаются горячія минеральныя воды, еще выше — юрты звѣролововъ³.

По монгольскому преданію, культъ горы Бурханъ-халдунъ возникъ еще при жизни Чингизъ-хана и не имѣлъ отношенія къ его могилѣ. Во время войнъ за обладаніе Монголіей Чингизъ-ханъ послѣ одной неудачи скрывался на этой горѣ; враги три раза объѣхали кругомъ, но не нашли его; послѣ своего избавленія Чингизъ-ханъ принесъ жертву горѣ, девять разъ преклонилъ колѣни, совершилъ возліаніе кумысомъ и завѣщалъ своимъ потомкамъ совершать жертвоприношенія въ память этого событія⁴. Говорится о лѣсѣ на горѣ Бурханъ-халдунъ, притомъ еще до Чингизъ-хана⁵; тѣмъ не менѣе въ разсказѣ о смерти Чингизъ-хана упоминается отдѣльно стоявшее дерево, подъ которымъ Чингизъ-ханъ желалъ быть похороненнымъ и вокругъ котораго послѣ похоронъ, въ тотъ же самый годъ, разросся густой лѣсъ, такъ что даже «старые курукчіе» не знали, какъ пройти къ первоначальному дереву и къ могилѣ Чингизъ-хана⁶. Культомъ лѣса и древесныхъ насажденій вообще, повидимому, опредѣлялся выборъ мѣста для ханскихъ кладбищъ. Плапо Карпини и его спутники проѣзжали мимо куста, посаженнаго ханомъ Угэдэемъ «за упокой своей души»; подъ страхомъ строгаго наказанія было запрещено срѣзывать въ этомъ мѣстѣ прутья⁷. Точное мѣстоположеніе этого куста или рощи, къ сожалѣнію, не указывается; очень вѣроятно, что Плато Карпини проѣзжалъ мимо той горы въ бассейнѣ верхняго Иртыша, на которой по Рашид-ад-дину былъ курукъ Угэдэя⁸. Монгольское названіе той мѣстности въ Персіи, гдѣ въ 1291 г.

¹ Труды Пек. миссіи, IV, 53 сл.

² Ibid. 143. Авторъ Мэнь-гу-ю-му-ци (перев. П. С. Попова, стр. 347) помѣщаетъ ту же гору на южномъ берегу Толы.

³ Ср. Записки Сиб. Отд. II. Р. Геогр. Общ., VIII, 148.

⁴ Труды Пек. миссіи, IV, 52.

⁵ Разсказъ Рашид-ад-дина, Труды Вост. Отд. V, 66 сл., VII, 88 сл. (особенно 86).

⁶ Труды Вост. Отд., XV, 144 сл.; текстъ, стр. 191 сл.

⁷ Перев. Маленна, стр. 11. Ср. слова П. И. Веселовскаго въ ЖМНПр. 1916, № 7, отд. II, стр. 95.

⁸ Соответствующаго мѣста нѣтъ въ изданіи Blochet; ср. текстъ рукоп. Публ. библ. Анра Бюлдак Фасер Кюбинд وهمواره پر برف باشد واین زمان آنرا بولدق فاسر کویند وایر میخوانند وازان کوه بیسمون موران وترکان اوشورنزو(?) می آید در رودخانه آنرا ایکه

былъ похороненъ ханъ Аргунъ, которое д'Оссонъ читаль *Avizé*, вѣроятно надо читать *Ourz* (лѣсъ)¹. Разведеніе лѣса было лучшимъ средствомъ скрыть мѣсто погребенія, хотя, какъ замѣтилъ Н. И. Веселовскій², въ китайскомъ описаніи погребенія и у Пяно Карпини одинаково говорится только о зарастаніи могилы травой, послѣ чего ее нельзя было распознать.

По словамъ Пяно Карпини, «тайно въ полѣ» хоронили у монголовъ не только хановъ, но вообще знатныхъ лицъ³. Трудно, однако, сказать, насколько этотъ обычай былъ обще-монгольскимъ и насколько его можно считать племенной особенностью монгольскаго народа. Больше всего расходятся съ этимъ обычаемъ курганное погребеніе, которое, однако, судя по монгольскимъ преданіямъ, не было безусловно чуждо монголамъ; А. М. Позднѣевъ⁴ упоминаетъ о кругломъ курганѣ, который считается могилой богатыря Манлая, современника Хубилай-хана. Съ другой стороны мы не знаемъ, были ли извѣстны народу могилы турецкихъ хановъ и обозначались ли эти могилы какими нибудь внѣшними знаками. При раскопкахъ, произведенныхъ орхонской экспедиціей около памятника Бялге-хана, могильной ямы нигдѣ не оказалось, и В. В. Радловъ пришелъ къ заключенію, «что могильные памятники въ честь умершихъ тюркскихъ князей не ставились на самой могилѣ ихъ, но что для празднованія поминковъ строились особые памятники въ отдаленіи отъ самой могилы»⁵.

Письменные источники монгольскаго періода ничего не говорятъ объ обычаѣ, который теперь также соблюдается безъ различія живущими въ лѣсахъ шаманистами-турками и монголами, именно объ устройствѣ для мертвыхъ, особенно для шамановъ, помостовъ или палатей на деревьяхъ⁶. Возможно, что на этотъ обычай намекаютъ слова монгольскаго эпическаго

اردش میربزد وازان کوه تا اردیشش روزره راه باشد وچپار در حدود آن رودخانه قشلاق میکند. Кладбище, вѣроятно, называлось Ихэ (Jexe)-оирт (большой лѣсъ). Ср. другія чтенія у Raverty, *Tabaqat-i-Nasiri*, p. 1143.

¹ D'Osson, IV, 58; въ литогр. изд. Вассафа, стр. 245 *اوکیور*.

² Каменные бабы, стр. 12.

³ Перев. Маленна, стр. 10 внизу.

⁴ Монголія и монголы, II, 311.

⁵ Сборникъ Трудовъ орхонской экспедиціи, IV, 7.

⁶ Ср. Г. Н. Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 36—38 (объ алтайцахъ, урянхайцахъ и бурятахъ Аларскаго вѣдомства); о соботахъ (уряхайцахъ) еще С. Р. Минцловъ въ ЗВО. XXIII, 294; также слова Гардизи о племени Фури въ москъ «Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію», стр. 87 (текстъ) и 111 (переводъ) О киргизахъ то же самое говорить (можетъ быть, по литературнымъ даннымъ) еще въ XVI в. османскій авторъ Сейфи (C. Schefer, *Histoire de l'Asie Centrale*, p. 302). Текстъ по Лейденской рукописи № 917, стр. 22: *ادملری اولندہ طبراعه دفن اتمزلری یوکسک اغاجلر واردر نابوتی ایله اول اغاجلره چقاریب قورلر کموکاری چورچوب تولکانه طورر*.

сказанія о «торжественныхъ похоронахъ»¹, устроенныхъ послѣ казни Чжамухъ, сопернику Чингизъ-хана. Какъ миѣ сообщилъ Б. Я. Владиміръцовъ, въ монгольскомъ подлинникѣ употреблено выраженіе, буквально значущее «возносить кости».

Замѣчательно, что мусульманскіе источники вообще ничего не говорятъ о принесеніи въ жертву при погребеніи хана людей и животныхъ; только въ разсказѣ Вассафа² о погребеніи Хулагу сказано, что съ халомъ опустили въ могилу нѣсколькихъ красивыхъ дѣвушекъ въ нарядной одеждѣ и съ драгоценностями. Пяно Карпини³ и Марко Поло⁴ говорятъ только о принесеніи въ жертву лошадей, Сананъ-Сэцэнъ — лошадей и верблюдовъ, причемъ послѣдній приводитъ и названіе этого обычая — *хоима*⁵. Исключительный случай человеческого жертвоприношенія имѣлъ мѣсто, по разсказу Сананъ-Сэцэна, еще въ концѣ XVI в., когда ханша Молонь-хатунъ при погребеніи своего единственнаго сына велѣла зарѣзать сто дѣтей и сто верблюжатъ, чтобы они сопровождали на тотъ свѣтъ умершаго царевича⁶. Кости жертвеннаго животного сжигались; Пяно Карпини самъ видѣлъ, какъ женщины собирались для сожженія костей «за упокой душъ людей». По китайскому разсказу, при кладбищѣ, въ 5 ли (т. е. около 2½ в.) отъ могилы, оставляли трехъ чиновниковъ, которые каждый день, въ продолженіе трехъ лѣтъ, сжигали жертвы въ ямѣ⁷. По разсказу Вассафа⁸, послѣ смерти Аргуна эмиры его собственнаго десятка (употребленъ монгольскій терминъ *арбатэнъ*)⁹ въ продолженіе трехъ дней присылали пищу къ его могилѣ. Слова Рашид-ад-дина о трехмѣсячномъ оплакиваніи Чингизъ-хана, китайскаго разсказа объ отправленіи процессіи на третій день послѣ смерти и о трехлѣтнихъ жертвоприношеніяхъ, Вассафа о доставленіи пищи въ теченіе трехъ дней, Пяно Карпини о троекратномъ истязаніи любимаго раба заставляютъ полагать, что придавалось значеніе числу три.

Представленія монголовъ о власти мертвыхъ надъ живыми намъ мало извѣстны; на существованіе такихъ представленій указываетъ страхъ пе-

¹ Труды Пек. миссіи, IV, 114.

² Литогр. изд., стр. 52; d'Ohsson, III, 407; Катрмеръ, стр. 416.

³ Перев. Малеева, стр. 11. Ср., однако, тамъ-же разсказъ о любимомъ рабѣ покойника, котораго трижды заставляли лежать подъ трупомъ такъ долго, что онъ начиналъ «какъ бы впадать въ агонію»; выдерживавшій эту пытку становился свободнымъ и знатымъ; невыдержавшій, очевидно, зарывался вмѣстѣ съ хозяиномъ.

⁴ Перев. Минасва, стр. 87.

⁵ Saanang Ssetsen, изд. Шмидта, стр. 235.

⁶ Ibid., стр. 249.

⁷ Труды Пек. миссіи, IV, 252.

⁸ Литогр. изд., стр. 245; d'Ohsson, IV, 58.

⁹ Въ текстѣ *مهربانان*; о начальномъ звукѣ см. И. М. Меліоранскій, Арабъ-филологъ о монгольскомъ языкѣ, ЗВО. XV, 162.

редъ произнесеніемъ имени умершаго, передъ оставленными имъ вещами, кромѣ того разсказъ объ убіеніи Чжамухи безъ пролитія крови, послѣ чего оиъ становится духомъ-покровителемъ Чингизъ-хана¹, и вообще обычай казнить безъ пролитія крови людей ханскаго происхожденія². Страхомъ передъ мертвыми и необходимостью умиловити ихъ, вѣроятно, объясняется фактъ, что охрана ханскихъ кладбищъ поручалась людямъ изъ лѣсныхъ урлихитовъ, племени, за которымъ вообще признавали извѣстную шаманскую силу. По словамъ Рашид-ад-дина только лѣсные урлихиты не боялись грозы и кричали на громъ и молнію, тогда какъ всѣ другіе монголы во время грозы сидѣли по домамъ³. Другихъ примѣровъ такого явленія, какъ вѣра въ шаманскую силу цѣлаго племени, миѣ въ исторіи средне-азиатскихъ кочевниковъ не приходилось встрѣчать.

Въ составъ курука кромѣ могилы хапа входили его ставки, сохранившіяся послѣ его смерти въ прежнемъ видѣ. Въ каждой ставкѣ продолжала жить до своей смерти одна изъ бывшихъ жень хана. Плато Карпини⁴ упоминаетъ объ ордѣ Джучи въ мѣстности къ востоку отъ Ала-куля (Рашид-ад-динъ⁵ помѣщаетъ ее на Иртышѣ); при этомъ говорится, что татары «дворовъ князей и вельможъ не разрушаютъ, а всегда пазначаютъ для управленія ими какихъ нибудь женщинъ, и имъ отдаютъ часть подарковъ, какъ обычно давали ихъ владыкамъ». Нѣсколько южнѣ, на берегу Эмиля, была орда Гуюка⁶; Рубрукъ⁷ проѣхалъ мимо нея и на обратномъ пути даже видѣлъ ее, по проводники, по его словамъ, «не осмѣлялись пристать къ этому двору». Послѣ смерти ханскихъ жень въ ставкахъ, повидимому, не было никого изъ членовъ ханскаго рода, но при нихъ оставалось нѣсколько сотъ человекъ стражи, причемъ, по выраженію архимандрита Палладія, «служили тѣвямъ, какъ живымъ»⁸.

При «великомъ курукѣ» сохранялись, по словамъ Рашид-ад-дина⁹, девять ставокъ Чингизъ-хана, четыре главныхъ и пять другихъ; въ царствованіе внука Хубилая Тэмуря (1294—1307) этими ставками завѣдывалъ старшій братъ Тэмуря Камала. Кромѣ Чингизъ-хана, на томъ же кладбищѣ были похоронены Тулуй, Мункэ и Арикбуга; по словамъ Рашид-ад-дина,

¹ Труды Пек. миссіи, IV, 114.

² Ср. слова Марко Поло (перев. Минаева, стр. 112) о казни Паина.

³ Труды Вост. Отд. V, 141 сл.; VII, 186 сл.

⁴ Перев. Маленна, стр. 51.

⁵ Изд. Blochet, стр. 131,ю.

⁶ Ibid., 251,г.

⁷ Перев. Маленна, стр. 113 сл.

⁸ Труды Пек. миссіи, IV, 253.

⁹ Изд. Blochet, стр. 593. Ср. d'Ohsson, I, 383; В. Бартольдъ, Отчетъ о поѣздкѣ въ Ср. Азію, стр. 20, прим. 3.

«сдѣлавъ ихъ изображенія, постоянно жгли (передъ ними) благовопія». Тамъ-же Камала построилъ капище для себя.

Изъ всей литературы монгольскаго періода только въ этомъ разсказѣ говорится о статуяхъ, стоявшихъ на ханскихъ кладбищахъ, вѣроятно при ханскихъ ставкахъ. Объ идолахъ, паходившихся въ монгольскихъ юртахъ, говорятъ всѣ путешественники; по словамъ Рубрука¹, войлочная кукла, висѣвшая надъ головой хозяина юрты, называлась «братомъ хозяина», висѣвшая надъ постелью хозяйки — братомъ госпожи. Изъ словъ Плато Карпини² и Марко Поло³ видно, что домашніе идолы выдѣлывались жепцинами изъ войлока, шелка и сукна. Плато Карпини⁴ кромѣ того упоминаетъ объ идолѣ, стоявшемъ на повозкѣ передъ ставкой; изъ его словъ не видно, былъ ли этотъ идолъ сдѣланъ изъ того же матеріала. Этому идолу, по словамъ Плато Карпини, поклонялись какъ Богу въ полдень и заставляли поклоняться покорившихся татарамъ знатныхъ лицъ; убіеніе князя Михаила Черниговскаго объясняется его отказомъ «поклониться на полдень Чингизъ-хану». Изъ этого можно заключить, что изображеніе, стоявшее у входа, т. е. у южной стороны ставки живого императора, считалось изображеніемъ Чингизъ-хана. Возможно, что передъ ставками мертвыхъ хановъ, гдѣ стража «служила тѣнямъ, какъ живымъ», ставились ихъ собственныя изображенія и что монголы, подъ вліяніемъ китайской культуры, научились выдѣлывать болѣе совершенныя статуи, чѣмъ прежнія войлочные куклы.

Нѣкоторыя извѣстія о дальнѣйшей судьбѣ изображеній и ставокъ Чингизъ-хана мы находимъ только у Санапъ-Сэцэна, причемъ эти извѣстія очень кратки и частью легендарны. Монгольскій народъ быстро утратилъ память какъ о дѣйствительныхъ событіяхъ исторіи Чингизъ-хана, такъ и о мѣстѣ его погребенія. Гора Бурханъ-халдунъ упоминается у Санапъ-Сэцэна только въ разсказахъ о мнѣческихъ предкахъ монголовъ; о ея мѣстоположеніи говорится только, что она была недалеко отъ Байкала⁵; Гэнтэй упоминается отдѣльно и не отождествляется съ горой Бурханъ-халдунъ, названіе которой, очевидно, сдѣлалось мнѣческимъ. О погребеніи Чингизъ-хана говорится, что повозку съ тѣломъ привезли въ мѣстность Ихэ (Хехе)-Ўтекъ, «между тѣевой стороной Алтай-хана и солнечной стороной Гэнтэй-хана»; такъ какъ всѣ попытки снять тѣло съ повозки были

¹ Перев. Маленина, стр. 71.

² Ibid., стр. 7.

³ Перев. Минаева, стр. 88.

⁴ Перев. Маленина, стр. 8.

⁵ Ssanang Ssetsen, стр. 57 и 59.

щитны, то надъ новозкой пасыпали могилу и тутъ же построили восемь бѣлыхъ домовъ для поклоненія Чингизъ-хану¹. Изъ этого можно заключить, что могилу Чингизъ-хана помѣщали къ югу отъ Гэнтэя. Подъ Алтаемъ, какъ замѣчается и Шмидтъ, нельзя понимать тѣ горы, которыя носятъ это названіе теперь. Замѣчательно, что уже Марко Поло² называетъ «Алтаемъ» ту гору, гдѣ находились хапскія кладбища, хотя помѣщаетъ ее непосредственно къ югу отъ равнины Баргу или Забайкалья, т. е. на мѣстѣ Гэнтэя. «Тѣневая сторона Алтая» упоминается у Сананъ-Сэцэна еще въ другомъ мѣстѣ, въ разсказѣ о царствованіи Хубилая, причѣмъ говорится, что Хубилай построилъ тамъ города Арулунъ-Цаганъ-балгасунъ и Эрчугинъ-Ланъ-тингъ-балгасунъ³; изъ этого можно заключить, что рѣчь идетъ о горахъ въ южной Монголіи, на границѣ съ Китаемъ.

Девять ставокъ Чингизъ-хана, такимъ образомъ, обратились въ восемь бѣлыхъ домовъ или юртъ; Сананъ-Сэцэнъ, какъ мы видѣли, помѣщаетъ ихъ близъ могилы Чингизъ-хана, хотя въ то же время отлпчаетъ урянхайцевъ, охранителей останковъ Чингизъ-хана, отъ ордосцевъ, охранителей восьми домовъ, составлявшихъ одну ставку или орду⁴ (Шмидтъ полагаетъ, что отсюда и названіе племени и мѣстности Ордосъ)⁵.

Въ первой половинѣ XV в., когда Монголія была завоевана ойратами, ханъ Адай искалъ убѣжища въ ордѣ Чингизъ-хана, но все-таки былъ схваченъ и убитъ. Ойратскій предводитель Тогонъ-тайши сталъ рубить саблей ограду орды и бѣлаго дома, хотя потомъ принесъ жертву Чингизъ-хану. Когда онъ уходилъ, то замѣтили, что большая стрѣла въ золотомъ колчанѣ Чингизъ-хана слегка дрожитъ; въ ту же минуту Тогонъ-тайши упалъ и лишился чувствъ; когда его раздѣли, то у него между лопатками оказалась рана, какъ отъ стрѣлы; когда осмотрѣли колчанъ Чингизъ-хана, то на большой стрѣлѣ нашли кровь⁶. Въ этой легендѣ, по всей вѣроятности, идетъ рѣчь о колчанѣ, прикрѣпленномъ или привѣшенномъ къ статуѣ Чингизъ-хана, подобно тѣмъ колчанамъ на половецкихъ каменныхъ бабахъ, о которыхъ говорятъ Низами.

Какъ замѣтилъ уже Рубрукъ⁷, ворота монгольскихъ юртъ и ставокъ всегда были обращены къ югу; къ югу, очевидно, были обращены и стояв-

¹ Ibid., стр. 109.

² Перев. Минаева, стр. 87 и 92. Ср. также слова Мэнъ-гу-ю-му-ци, стр. 347, что отъ мѣста слиянія Толы съ Орхономъ на СЗ «главнымъ узломъ всѣхъ горъ служить Алтай».

³ Ssanang Ssetsen, стр. 115.

⁴ Ibid., стр. 191 и примѣчаніе Шмидта, стр. 407 сл.

⁵ Ibid., стр. 389 сл.

⁶ Ssanang-Ssetsen, стр. 151.

⁷ Перев. Маленна, стр. 71.

шія у воротъ ставокъ изображенія, въ отличіе отъ камешныхъ бабъ, обращенныхъ, какъ извѣстно, на востокъ. Культъ юга, въ противоположность прежнему культу востока, рѣзко отличаетъ монголовъ отъ турецкихъ народовъ до-монгольскаго періода, что пашло себѣ отраженіе и въ языкѣ. Орхонскій турукъ при опредѣленіи странъ свѣта становится лицомъ къ востоку, такъ что для него южная сторона является правой, сѣверная — лѣвой; въ монгольскомъ письменномъ языкѣ правой стороной называется западная, лѣвой — восточная¹. Едва ли мы имѣемъ право считать это отличіе племенной особенностью монголовъ сравнительно съ турками. Культъ востока, связанный съ культомъ восходящаго солнца, былъ, повиданому, широко распространенъ у самыхъ различныхъ народовъ; мы находимъ слѣды его какъ въ индо-европейскихъ, такъ и въ семитическихъ языкахъ²; въ Средней Азіи китайцы отмѣчаютъ этотъ культъ у древнихъ кочевыхъ народовъ различнаго происхожденія. Если у хунновъ, считавшихся вполнѣ предками турковъ, государь утромъ выходилъ изъ лагеря поклоняться восходящему солнцу³, то и «восточные варвары» (дунъ-ху), ухуанцы, народъ во всякомъ случаѣ не-турецкій, жили въ круглыхъ юртахъ, изъ которыхъ выходъ былъ обращенъ къ востоку⁴. Обращеніе къ югу при религіозныхъ и въ частности погребальныхъ обрядахъ наблюдается, какъ извѣстно, въ Китаѣ и въ подчинившихся вліянію Китая культурныхъ областяхъ, напр., въ Корей⁵; отсюда естественно возникаетъ предположеніе, что и въ степи культъ востока былъ вытѣсненъ культомъ юга подъ вліяніемъ китайской культуры. Изъ кочевыхъ народовъ мы встрѣчаемъ поклоненіе югу прежде всего у китаевъ или, какъ ихъ называли китайцы, киданей; по «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ», составленной задолго до возвышенія киданей и образованія ими государства китайскаго типа, кидане при жертвоприношеніяхъ въ честь предковъ говорили имъ: «Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ кушайте, обратясь къ югу»⁶. Очень вѣроятно, поэтому, что культъ юга началъ распространяться въ Монголіи въ эпоху могущества киданей (X—XII вв.). При Чипгизъ-ханѣ этотъ культъ сдѣлался официальнымъ для всей степи, подчинившейся монголамъ, и въ настоящее время

¹ На это указалъ и Н. И. Весселовскій, Каменные бабы, стр. 19.

² W. Barthold, Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften, S. 11 (V. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge). О семитическихъ словахъ и сопоставленіи ихъ съ индійскими см., напр., W. Geuenius, Handwörterbuch über das Alte Test., 10 изд., в. v. 7171.

³ Такинъ, Собр. свѣдѣній и т. д., I, 16.

⁴ Ibid., 151.

⁵ Ср. Описаніе Кореи (изд. мин. фин.), I, 388 сл.

⁶ Такинъ, Собр. свѣд., II, 91.

едва ли не во всѣхъ мѣстностяхъ Средней Азии, входившихъ шѣкогда въ составъ монгольской имперіи, юрты кочевниковъ, какъ монголовъ, такъ и турковъ, обращены къ югу. Неяснымъ остается вопросъ, насколько монгольскіе ханы при этомъ опирались на религиозныя воззрѣнія своего народа. Есть указанія, что культъ восходящаго солнца былъ свойствененъ не только турецкому, но и монгольскому шаманизму. Ибн-ал-Асирь¹ говорить о монголахъ, что они «поклоняются солнцу при восходѣ его»; то же самое отмѣтилъ въ своей статьѣ о «Черной вѣрѣ», т. е. о шаманизмѣ, Банзаровъ². Въ настоящее время мы находимъ слѣды культа востока какъ у турецкихъ, такъ и у монгольскихъ народностей, если онѣ остались въ сторопѣ отъ политическихъ и культурныхъ движеній, вызванныхъ образованіемъ монгольской имперіи. Какъ у алтайцевъ, по наблюденію В. В. Радлова, голову жертвенной лошади повертываютъ на востокъ³, какъ у якутовъ, по словамъ Сѣрошевскаго, въ глухихъ мѣстахъ сохранился обычай строить жилия помѣщенія непременно дверьми на востокъ⁴, такъ и у бурятъ-шаманистовъ, по словамъ Б. Э. Петри⁵, юрты до сихъ поръ обращены не въ южную, а въ восточную сторону. Какъ мнѣ сообщилъ Б. Я. Владиміровъ, монгольскія слова, служащія для обозначенія странъ свѣта, въ живыхъ нарѣчіяхъ иногда употребляются въ другомъ значеніи, чѣмъ въ письменномъ языкѣ; слово «барунт», правый, въ письменномъ

¹ Изд. Торнберга, XII, 285, ср. переводъ бар. В. Г. Тизенгаузена въ Сборн. матер., относящихся къ ист. зол. орды, стр. 3 сл. То же самое, какъ мнѣ сообщилъ кн. И. А. Джаваховъ, говоритъ грузинскій анонимный историкъ XIV в.; по этому источнику монголы «обращались лицомъ въ сторону восхода солнца» и «поутру при восходѣ солнца» совершали три колѣнопреклоненія (Карта. Цховреба по рукоп. царицы Маріи, изд. Е. Такайшвили, стр. 550 и 597). О самомъ источникѣ ср. теперь статьи кн. И. А. Джавахова и Б. Я. Владимірова въ ИАН. 1917 г., стр. 1488 сл.

² Д. Банзаровъ, Черная вѣра, стр. 14. Ср. также интересныя, но не вполне ясныя замѣчанія японскаго ученаго Ruuzo Tori, The ancient city of Shang-Ching, Kokka, Heft 249, Teil I u. ff., по селыжѣ О. Münsterberg, Chinesische Kunstgeschichte, II, 38.

³ W. Radloff, Aus Sibirien, 2-te Ausg., II, 25. Ср. Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 79, прим. Ни у В. В. Радлова, ни у другихъ путешественниковъ я не нашелъ свѣдѣній о томъ, въ какую сторону были обращены примитивныя юрты алтайцевъ, т. е. коническіе шалаши. Г. Н. Потанинъ (Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, 108) говоритъ только, что «юрта ставится у монголовъ дверями всегда на югъ». Исследователъ Алтая А. В. Адриановъ говоритъ только о бревенчатыхъ юртахъ, т. е. четырехугольныхъ бревенчатыхъ срубкахъ, что «дверь продѣлывается въ короткой стѣнѣ, обращенной на югъ, ближе къ юго-восточному углу» (Зап. Р. Геогр. Общ. по общей геогр., XI, 296). Коническихъ шалашей А. В. Адриановъ не встрѣчалъ (ibid. 356).

⁴ В. Л. Сѣрошевскій, Якуты, I, 207.

⁵ Въ докладѣ, читанномъ въ Этногр. Отд. Р. Геогр. Общ. 5 апр. 1913 г. По сообщенію докладчика, прямо по компасу на востокъ обращенъ одинъ изъ четырехъ столбовъ, на которые опирается юрта (бревенчатая); дверь по компасу обращена на юго-востокъ, но сами буряты говорятъ, что двери обращены у нихъ на востокъ.

языкъ имѣсть значеніе «западный», въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ — значеніе «южный», какъ въ турецкихъ орхонскихъ надписяхъ.

Память о шаманскихъ обычаяхъ, въ особенности обрядахъ погребенія, быстро исчезла въ Монголіи подъ влияніемъ буддизма. Въ XVII в., уже послѣ принятія буддизма, совершилось, по разсказу Сананъ Сэцэна, перенесеніе «блага дома» Чингизъ-хана (здѣсь уже упоминается только одинъ домъ, т. е. одна юрта) съ его обстановкой на новое мѣсто, въ страну «дружественныхъ князей»¹; вѣроятно, это то же мѣсто, на берегу рѣчки Чжамнакъ, впадающей въ Улапъ-моривъ, приокъ Хуанъ-хэ², гдѣ теперь стоятъ двѣ бѣлыхъ юрты, составляющія «великое эджэнь-хоро», культъ котораго описанъ Г. Н. Потанинымъ³. При этомъ говорится также о перенесеніи «золотой пирамиды»; по замѣчанію Шмидта⁴, неясно, находился ли въ этой пирамидѣ прахъ Чингизъ-хана или какого-нибудь другого властителя. Шмидтъ при этомъ напоминаетъ о золотыхъ пирамидахъ съ останками буддѣйскихъ святыхъ въ Тибетѣ, т. е. указываетъ на буддѣйскій характеръ обычая. Г. Н. Потанину разсказывали, что кости Чингизъ-хана хранятся въ задней изъ двухъ бѣлыхъ юртъ, по однимъ разсказамъ въ мѣдиной, по другимъ — въ серебряной ракъ. На южной сторонѣ Гэнтэя, можетъ быть тамъ-же, гдѣ было капище Камалы, теперь находится буддѣйскій монастырь, основанный въ 1654 г.⁵; А. М. Позднѣевъ говоритъ о ежегодномъ чествованіи Гэнтэйскихъ горъ и объ устройствѣ по этому случаю почтовыхъ станцій⁶; описаніе этого чествованія мнѣ въ литературѣ о Монголіи не удалось найти, но едва ли оно связано съ памятью о Чингизъ-ханѣ и о мѣстѣ его погребенія. Авторъ Мэнь-гу-ю-му-цзи приводитъ изъ другого письменнаго источника разсказъ о каменномъ изваяніи, въ которомъ будто бы видѣли изображеніе Чингизъ-хана и которое находилось въ западной Монголіи, у подошвы горы Сагари⁷, близъ рѣки Кобдо; это была

¹ Ssanang Ssetsen, стр. 281.

² О мѣстоположеніи А. Баторскій, Монголія, стр. 132.

³ Статя «Поминки по Чингисъ-ханѣ» (оттискъ изъ Изв. И. Р. Геогр. Общ., т. XXI).

⁴ Ssanang Ssetsen, стр. 420.

⁵ А. М. Позднѣевъ, Монголія и монголы, I, 493.

⁶ Ibid., 463. Ср. также Мэнь-гу-ю-му-цзи, стр. 347 о «ежегодныхъ весеннихъ и осеннихъ жертвахъ». Къ Гэнтэю, можетъ быть, вела та «древняя дорога Чингизъ-хана», остатки которой были найдены въ 1899 г. русской экспедиціей на пути изъ долины Толы въ долину Кэрулюна (ср. печатающуюся въ настоящее время въ изданіяхъ Геогр. Общ. работу А. Д. Руднева, стр. 19). О другой «дорогѣ Чингизъ-хана» (съ Кемчика черезъ Саяны долиной Енисей) ср. свѣдѣнія С. Р. Мишцлова въ ЗВО. XXIII, 304 сл. и 311.

⁷ Такого названія горы, повидимому, нѣтъ въ русской литературѣ о мѣстности близъ рѣки Кобдо; ср. указатели къ книгамъ А. Баторскаго, Монголія; Г. Е. Грумъ-Гржимайло, Зап. Монголія.

«каменная статуя человека, одѣтаго въ монгольское народное платье»¹. Насколько можно видѣть изъ свѣдѣній о человѣческихъ изваяніяхъ (по-монгольски хойо-чулу), собранныхъ Г. Н. Потанинымъ², этого истукана теперь нѣтъ (едва ли его можно было бы отождествить съ Дайиъ-батыромъ, стоящимъ у южнаго берега озера Дайиъ-гуль)³. Если онъ, дѣйствительно, имѣлъ отношеніе къ монгольскимъ ханамъ (что, конечно, очень сомнительно), то онъ, вѣроятно, изображалъ не Чингизъ-хана⁴, по одного изъ потомковъ его сына Угэдэя, владѣвшихъ этой мѣстностью.

Ханскіе куруки, устроенныя монголами внѣ предѣловъ Монголіи, подъ вліяніемъ ислама были забыты еще быстрее, чѣмъ куруки въ Монголіи подъ вліяніемъ буддизма. Свѣдѣнія крайне скудны; большею частью указывается только мѣсто погребенія хановъ, безъ какихъ либо свѣдѣній объ обстановкѣ курука; только Вассачъ⁵, вѣроятно ошибочно, говоритъ объ устройствѣ, по монгольскому обычаю, «дахмы», т. е. гробницы. Мѣстомъ погребенія золотоордынскихъ хановъ считался Сарайчикъ, на нижнемъ теченіи Урала⁶; изъ словъ Абулгази⁷ о погребеніи хана Тохтогу можно заключить, что ханы хоронились здѣсь еще до принятія татарами ислама. Ибн-Батута, проѣзжавшій здѣсь въ 1333 г., ничего не говоритъ о ханскихъ гробницахъ; около 1580 г. Сарайчикъ былъ разрушенъ до основанія русскими казаками, причѣмъ были извлечены даже мертвецы изъ могилъ⁸. Въ ногайской легендѣ о Тохтамышѣ и Едигей, на которую обратилъ мое вниманіе П. А. Фалевъ, говорится о Сарайчикѣ, гдѣ погребены ханы и кости хановъ называютъ заповѣдными⁹. Впослѣдствіи мусульманскіе ханы строили мавзолеи мусульманскаго типа надъ могилами своихъ языческихъ предковъ¹⁰; такъ при описаніи похода Абдуллы-хана бухарскаго, въ 1582 г., въ мѣстности между Сары-су и горой Улугтау упоминается «мазаръ»

¹ Мэнъ-гу-ю-му-цзи, стр. 449.

² Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, 64 сл.; объ изваяніяхъ близъ Кобдо стр. 67 и 71.

³ Ibid., стр. 72.

⁴ О статуѣ въ Урянхаѣ, которую иногда называли «Чингизъ-ханомъ», ср. ЗВО. XXIII, 299 сл. и табл. V, рис. 1. Къ монголамъ эта каменная баба обычнаго турецкаго типа, очевидно, никакого отношенія не имѣетъ.

⁵ Литогр. изд., стр. 52 и 245. Ошибочно, конечно переводится слово غروقъ Рашид-ад-дина посредствомъ tombseau у Катрмера, стр. 417.

⁶ Ср. ЗВО, XXI, 047.

⁷ Изд. Демезона, стр. 174; перев., стр. 183.

⁸ Карамзинъ, Ист. Г. Р., IX, 224, прим. 663.

⁹ М. Османовъ, Ногайскіе и кумыкскіе тексты, стр. 47. قان سوپای کیه ديب، стр. 47. قان لاری قویغان سرای سرتی. Ср. кирг. کیهلی въ слог. Будагова, II, 183. Въ слог. Радова (II, 1843) кізі «приносящій несчастіе; дурное предзнаменованіе».

¹⁰ Ср. примѣры ЗВО, XXIII, 2.

Джучи-хана¹. Трудно было бы, при такомъ искаженіи историческаго преданія, опредѣлять точное значеніе нѣкоторыхъ монгольскихъ терминовъ, относящихся къ обрядамъ погребенія, приведенныхъ въ сочиненіяхъ мусульманскихъ авторовъ и неизвѣстныхъ теперь самимъ монголамъ. Таково, напр., слово *توكن* въ значеніи «могила» (*القبر*) у араба-филолога² или словъ *شنب* «кладбищенскіе сторожа» (*مزارچیلر*) у Эвлия-Челеби³.

Послѣднимъ сооруженіемъ языческаго типа въ степи является такъ называемый «обо» (насыпный кучи камней), которыя и теперь еще пользуются нѣкоторымъ культомъ, особенно у монголовъ. Большею частью, какъ извѣстно, обо не имѣютъ отношенія къ погребенію, служатъ только дорожными знаками и чаще всего ставятся на вершинахъ переваловъ. Таково было и единственное обо, о сооруженіи котораго мы имѣемъ точное историческое извѣстіе: по разсказу Мирхонда Улугбекъ въ 1425 г., во время похода противъ средне-азиатскихъ монголовъ, въ мѣстѣ Буралгу «воздвигъ сооруженіе, которое турки называютъ обо, высокое и крѣпкое, чтобы оно служило знакомъ»⁴. Встрѣчаются, однако, примѣры, что слово «обо» связывается съ курганнымъ погребеніемъ; такъ, по разсказу Валиханова, курганъ Идыге-обасы на вершинѣ утеса Идыге, составляющаго западную часть горы Улутау, считается могилой Едигей⁵. Возможно, что тотъ же терминъ иногда связывали съ каменными бабами. В. В. Сапожниковъ при описаніи своей поѣздки въ мѣстность къ востоку отъ Чѣрнаго Иртыша упоминаетъ о «двухъ каменныхъ бабахъ, которыя и дали основаніе названію этого мѣста Кара-обо»⁶.

В. Бартольдъ.

¹ *عبد الله نامه* рук. Аз. муз. 574 age, л. 334б, также Труды Вост. Отд., X, 307, 316 сл.

² П. М. Меліоранскій, Арабъ-филологъ о монгольскомъ языкѣ, стр. 89, 17 и 110.

³ Текстъ Эвлия-Челеби въ констант. изд., II, 292 и въ хрестоматіи В. Д. Смирнова (Образцовыя произведенія османской литературы), стр. 96. Ср. мою статью въ *Этногр. обоз.*, кн. 84—85 (1910), стр. 40. Ср. еще современное монг. булуш «древняя могила».

⁴ Текстъ Мирхонда будетъ изданъ въ приложеніи къ моему труду «Улугбекъ и его время», печатающемуся въ Запискахъ Академіи Наукъ.

⁵ Сочиненія Ч. Ч. Валиханова, изд. Н. И. Веселовскаго, стр. 224.

⁶ В. В. Сапожниковъ, Монгольскій Алтай, Томскъ 1911 (Изв. Имп. Томскаго Унив. перситета, кн. 44), стр. 167.